

Л

РИЗНАЮСЬ, после просмотра фильма «Укрощение огня» желание встретиться с ним стало просто неодолимым. Пожалуй, Андрей Башкирцев — самая большая удача Кирилла Лаврова на экране. Но встретиться оказалось не так-то легко, потому что только что артист вернулся из поездки в Японию, — и снова сборы в дорогу. Еле-еле выкроились минут сорок между окончанием спектакля в Большом драматическом и началом передачи на телевидении. Поздравив от имени читателей «Смены» своего собеседника с недавним присуждением высшего актерского звания, включаю магнитофон.

— Кирилл Юрьевич, как много для вас — актера и человека — означает встреча с такими людьми, как Давыдов, Синцов, Башкирцев?

— Как актеру мне прежде всего, конечно, важно, чтобы была интересная роль. Чтобы была роль, связанная с каким-то внутренним переосмыслением, с препятствиями, которые возникают у меня как у исполнителя, с разными творческими трудностями. И чем таких трудностей больше, тем мне интереснее. Ну и, конечно, всегда очень интересен и очень важен гражданский, гуманистический заряд, который несет роль. У каждого актера, вероятно, есть своя тема, во всяком случае — должна быть. Мне кажется, что и Синцов, и Башкирцев, да и вот, скажем, Ким из спектакля «С вечера до полудня», который только что закончился, несмотря на различие их характеров, на различие масштабов деятельности этих людей, объединены единой темой, которая, вероятно, присуща мне как актеру и соответствует моим идеалам представления о человеке.

С другой стороны, мне как человеку все они, дорогие мои герои, конечно, много дают. Я убежден, что существует определенный взаимообмен между актером и образами, которые он воплощает. Когда работаешь над такими ролями, как Синцов или Башкирцев, невольно изучаешь биографию этого человека, пытаешься проникнуть в какие-то черты его характера, привычки, склонности... Это невольно, мне кажется, накладывает отпечаток и на исполнителя. То есть я стараюсь наделять своего героя не только теми чертами, которые считаю в данном случае верными, но хочется и самому подражать каким-то хорошим чертам этого человека, которые вызывают в тебе симпатию, уважение. И Синцов, и Башкирцев были для меня именно такими ролями.

— Никогда не задавались вопросом, почему роль Башкирцева предложили именно вам?

— Почему роль генерального конструктора предложили именно мне?... Трудно сказать. Но, вероятно, имело значение и то, что в авиации я не чужак: в юности окончил авиационное училище, служил механиком в эскадрилье. А может, Даниил Храбровицкий просто догадался, что я очень хочу сыграть эту роль.

Прочитав сценарий, я уже думать ни о чем другом не мог. Ведь Андрей Башкирцев впитал в себя самую суть нашей эпохи, эпохи колоссальных скоростей. Имею в виду прежде всего социальные скорости: как много изменилось в жизни народа на протяжении только одной человеческой жизни! Я уже раньше говорил об этом в интервью и сейчас повторяю: образ Башкирцева захватил меня редкой «незачитанностью». Многие выдающиеся современники проходили по экрану и раньше, но Башкирцев — на самом переднем рубеже науки, и, значит, он — очень сегодняшний человек — и в способе мышления, и в отношении к людям, к жизни. Башкирцев глубоко ощущает личную ответственность за судьбы нашей планеты, за те пути, которыми пойдет человечество.

Давно я мечтал о такой роли. До этого на экране самым дорогим для меня героем был Синцов из «Живых и мертвых», в котором нашел яркое выражение именно советский характер, тот тип человека, который рожден социалистическим строем.

— Что же в работе над образом Башкирцева было самым сложным и самым волнующим?

— Самым сложным?... Человек, которого мне посчастливилось играть, назван в картине совершенно определенно — «главный конструктор». Вспомните: мы долго не знали его истинного имени, писалось таинственно — «главный конструктор». И все-таки уже тогда, так сказать, заочно, испытывали к этому человеку и уважение и глубочайшую симпатию... Потом случилось несчастье: Сергей Павлович Королев умер, и люди узнали, кто же был главным конструктором. В картине разворачиваются события, всем известные: запуск спутника, запуск в космос первого человека. И сразу у всех встает в памяти образ Королева. Но картина-то не документальная, а художественная, и Даниил Храбровицкий хотел показать образ собирательный, основанный не только на биографии Сергея Павловича. Чтобы кинозрители увидели крупного ученого, крупного организатора. А это было очень трудно. Трудно потому,

что все время думал о Королеве, но в то же время вспоминались и многие другие люди, черты которых вошли в характер моего Башкирцева. Не могу тут не упомянуть Алексея Михайловича Исаева, нашего главного консультанта, который, как и Королев, стал известен лишь после смерти (а смерть случилась во время производства фильма). Это был крупный конструктор двигателей и удивительный человек, который очень всем нам помог. Он внес много своего, личного, и в образ, который я играл, и в картину в целом. Кроме того, много в образе Башкирцева сакмулировано и от других людей, которые тоже нам очень помогали. Это соратники Королева, друзья Исаева... И хотя все они люди весьма занятые, все-таки находили время, чтобы с нами встречаться, рассказывать, подсказывать... После этих встреч у меня возникло огромное желание сделать Башкирцева похожим на них, чтобы они признали моего героя, чтобы поверили в него. Вот это, пожалуй, было для меня самым ответственным и самым сложным.

Декорациями на съемках мы почти не пользовались. Все было максимально приближено к местам подлинных исторических событий. Так что и Байконур, и

В такой ситуации очень трудно было фальшивить, что-то наигрывать... Тем более что вокруг нас постоянно шла работа. Ведь не могли же из-за нашего фильма приостановить выполнение космической программы. Люди работали, а мы рядом, стараясь не мешать, снимали. И вот это удивительное слияние искусства с реальностью было для актеров самым волнующим.

— С каким чувством вы потом смотрели этот фильм?

— Фильм всегда смотришь с чувством очень сложным. Потому что кино — это такое жестокое дело: если вышло на экран, ничего уже не изменишь. И в этом

у сына пойдет нормально. Что все будет хорошо. У нас же все вышло иначе. Началась война. Пришлось в пятнадцать лет бросать школу и становиться к станку. Был токарем, был грузчиком, был физруком... Разные места, разные люди... Много поменял профессий, прежде чем (как уже говорил выше) попал в училище и стал авиационным техником. А потом восемь лет армии. Курильские острова. Было сложно, было трудно, но в результате, мне кажется, я прошел большую школу, которая впоследствии очень помогала и помогает сейчас — не только в жизни, но и в творчестве. Конечно же, восемь лет в армии не могли пройти даром. Я очень хорошо знаю армейскую обстановку, характер, атмосферу, какие-то внутренние пружины, которые там существуют. Это помогает играть в «военных» фильмах и пьесах. Артисту на сцене или экране гораздо легче действовать, если раньше он все это понюхал сам. Так что я благодарен судьбе за то, что она дала мне возможность заниматься такой нелегкой и насыщенной биографией.

— В вашем «послужном списке» — много героев, так или иначе связанных с темой революции: комиссар «Авроры», матрос Швандя, Семен Давыдов,

цию. Нет, я не мог быть просто комментатором событий. Я вмешиваюсь в ход действия на сцене, иногда его останавливаю, вступаю в диалог с людьми из прошлого. Эта роль дорога мне именно своей боевой, гражданской позицией. После такого спектакля день кажется прожитым не зря.

— Из чего складывается ваш обычный день?

— У современного актера времени не хватает просто катастрофически. У меня — тоже. Но, наверное, иначе я бы уже и не смог. Потому что уже как-то вошел в этот ритм, и жить в другом мне, очевидно, было бы просто скучно. Хотя очень часто мечтаю об отдыхе, чтобы все забыть, выключить телефон... Но случайно выдаются два-три таких дня, и уже чего-то не хватает. Мне кажется, что мои любимые герои чувствуют себя точно так же. Вероятно, это просто-напросто свойство времени, свойство эпохи.

Больше всего я снимаюсь на «Мосфильме», поэтому приходится много ездить. Сразу после спектакля — на поезд, а утром — съемки. Потом — снова ночь в вагоне и снова спектакль. Конечно, это трудно, это выматывает, но другого пути я не вижу. Потому что отказаться от сцены не могу, ибо очень люблю театр вообще, а наш БДТ — в особенности. И кино бросить не хочу тоже, потому что оно дает актеру очень много. И вот в таком сочетании кино и театра мне видится наиболее рациональная форма актерского существования.

А еще наряду с театром и кино у актера есть телевидение, радио, встречи со зрителями... Кроме того — общественная работа. Я кандидат в члены областного комитета партии, заместитель председателя Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества, член партбюро театра... И хотя выполняю все это довольно-таки непросто, стараюсь не роптать, ибо подобная работа не только почетна, но и полезна: гарантирует широкий круг общения. А я очень не люблю замыкаться только в своей актерской среде. Вероятно, это воспитано юностью: люблю встречать людей самых разных профессий — интересных, сильных...

— Каким вы представляете себе сильного человека?

— Мне кажется, сила человека прежде всего в том, что он должен уметь признавать свои ошибки. Эта прописная истина, увы, очень часто не имеет практического подтверждения. Сильный характер еще, думается, отличается тем, что человек, несмотря на какие-то неудачи, не разубеждается в самом главном, в основных своих жизненных принципах.

— Ваше представление о счастье?

— Я не знаю, как это точно сформулировать, у каждого человека, наверное, есть какое-то свое представление о счастье. Я мог бы себя назвать в общем-то счастливым человеком. Потому что главное у человека — работа. А моя работа, моя творческая биография сложились для меня счастливо.

— Ваша мечта!

— Мечтаю, чтобы мои дети — Сергей и Машенька — выросли настоящими людьми, чтобы они были потом так же счастливы, как их отец сегодня. А моя мечта — актерская довольно-таки банальна: побольше ролей — интересных и трудных, которые позволили бы правдиво отображать свое время. Ведь, как сказал Горький, «художник — чувствительнее своей эпохи».

ЕГО ГЛАВНАЯ ТЕМА

Воскресный гость

«СМЕНИ» —

народный артист СССР

Кирилл ЛАВРОВ

Ведущий из спектакля «Правду! Ничего, кроме правды!» Наверное, такая работа может стать значительной, только если вложись в нее свое собственное «я», свое отношение к этим событиям!

— Да, вы правы, и в этом смысле наиболее характерен именно Ведущий. Работать над этой ролью оказалось особенно сложно, потому что автором не было задано никакого характера. Пьеса писалась практически прямо в театре, и в перечне действующих лиц сразу значилось: «От театра — Лавров». Поэтому искать в роли какую-то характерность возможности не было. Вместо этого здесь нужен был большой заряд гражданственности, убежденности в правоте нашего дела. И свои позиции нужно было отстаивать очень горячо и искренне. Я играю нашего современника, который вместе со зрителями осмысливает позорный «процесс», устроенный в 1919 году в США. Там — не более и не менее — «судили» Великую Октябрьскую револю-

фильме тоже многое сейчас хотелось бы сделать иначе, лучше. Но, по-моему, в целом все-таки получился волнующий рассказ о людях, которые совершили один из важнейших шагов двадцатого века. Еще, мне кажется, достоинство картины в том, что мы показали и радость победы, и горечь неудач. Без неудач не может обойтись ни один процесс познания. И сделано, мне кажется, это достаточно убедительно. Во всяком случае, меня, исполнителя, картина волнует. А это бывает далеко не всегда.

— Кирилл Юрьевич, насколько сама ваша жизнь, ваша биография помогают в работе над образами современников?

— Моя биография сложилась довольно-таки не просто. Впрочем, это, пожалуй, типичная биография моего поколения, потому что, будучи еще мальчишкой, мы захватили войну. Война для нас пришла в то время, когда формируется человек, его характер... Вот я смотрю сейчас на своего сына Сергея. Ему семнадцать, поступил в Университет, собирается стать историком. И пусть о многом мы с ним частенько спорим (это вполне естественно: у молодого поколения есть свои особенности, которые я, как старший, может быть, и не могу понять до конца), но мне верится, что жизнь

СЕГОДНЯ он в Чехословакии: вместе с Андреем Башкирцевым завоевывает там человеческие сердца. А вечером седьмого в его театре — спектакль «Правду! Ничего, кроме правды!» Значит, снова поднимется из зрительного ряда человек со светлыми глазами и легким серебром на висках, чтобы сказать волнующее слово Гражданина в честь Революции.

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото М. Ширмана

5 НОЯ 1972

НОЯ 1972

СМЕНА
г. Ленинград